

«ДАЛЕКИЕ ЗЕМЛИ» В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Тамара Иванова

ПОЭТИКА ПУТИ ЖИТИЙНОГО И СОВРЕМЕННОГО ГЕРОЕВ В РАССКАЗЕ ДМИТРИЯ НОВИКОВА «ДРУГАЯ РЕКА»

Дмитрий Новиков — русский прозаик, автор книг рассказов «Танго Карельского перешейка» (СПб., 2002); «Муха в янтаре» (СПб., 2003); «Вожделиние» (М., 2005). Современный художник убежден в силе Слова, значимости художественной литературы для человека XXI столетия. Применительно к себе, писателю, который не сразу обрел свое призвание, он утверждает: «Без литературы жить невозможно»¹.

Книги Д. Новикова вписываются в то направление русской литературы рубежа XX—XXI веков, которое использует библейские ветхо- и новозаветные образы, элементы фольклора, агиографические источники и на их основе предлагает новое понимание человека и его взаимоотношений с действительностью. Фольклорно-этнографические, житийные образы и мотивы в прозе Д. Новикова формируют модель художественного видения-отражения действительности, в которой представлен тип культуры, традиционно определяемой как народная.

Рассказ «Другая река» — первый в книге «Вожделиние», имеющей авторский подзаголовок «Повесть в рассказах», который подчеркивает художественное единство текста. Целостность книги усиливает кольцевая структура композиции, циклообразующим компонентом которой является мотив жизни и смерти (первый рассказ в книге завершается эпизодом, где главный герой, будучи на волосок от гибели, обретает жизнь; концовка последнего рассказа

¹ *Панасюк Л.* Дмитрий Новиков: «Без литературы жить невозможно»: [интервью с писателем Д. Новиковым, вела Л. Панасюк] // Курьер Карелии. 2004, 29 окт. С. 1–2.

«Муха в янтаре» — это открывшаяся другому герою истина: «Смерти нет»¹. Авторская позиция близка к христианскому пониманию жизни и смерти, где смерть — переход, естественное продолжение жизни в мире ином.

Ключевым текстом в книге, на наш взгляд, является именно рассказ «Другая река». Он содержит точную установку художника, для которого главное в повествовании — не обстоятельства жизни, при всей остроте фабульного начала, а имеющий первостепенное значение внутренний мир героя и — самое важное — путь обретения тех нравственных постулатов, которые способны удержать человека на краю бездны.

«Другая река» — рассказ двуфабульный: первый план — это сказ-«житие» священника поселка Кола Варлаам, жившего, вероятно, еще в XVI веке, при Иоанне Грозном, и давно почитавшегося святым на Русском Севере, но причисленного к лику святых лишь в начале XXI столетия.

Второй сюжетный план — исповедь современного героя, отправившегося в путь на Север «лечить» душу, практически в те же самые места, где подвизался Варлаам. Не случайно мотив пути — основной в этом рассказе.

Повторяющиеся мотивы сопрягают внутренний мир нашего современника и священника из Колы, хотя у современного героя только «отчаянная надежда на счастье» и вместе с тем предчувствие трагедии, а священник Варлаам «за счастьем своим <...> не заметил вовремя неладного» в своей семье и совершил убийство (с. 8).

В аспекте заданной темы важно остановиться на источниковедческой проблеме рассказа, прежде всего на исповеди Варлаама, основанной на житии Варлаама Керетского. Сопоставив рассказ Д. Новикова с текстом «Повести о житии преподобного Варлаама Керетского» (публикация Л.А. Дмитриева) либо с изложением его в исследованиях В.О. Ключевского, игумена Митрофана (Баданина), с поэтическим переложением Б. Шергина, мы пришли к выводу, что однозначно ответить на вопрос о том, какими источниками пользовался писатель, создавая «житие» своего героя, невозможно. Краткое изложение житейной повести о священнике Варлааме можно обнаружить в известной работе В.О. Ключевского: «...жил в Коле при царе Иване и наказал себя за убийство жены тем, что с трупом жены ездил на лодке, не выпуская весла из рук, по окияну мимо Святого Носа, “дондеже мертвое тело тлению предастся”, и потом подвизался иноком в пустыне около Керети»². Сравнительный анализ позволяет утверждать, что сказ — исповедь Варлаама — включает образы и мотивы из текста жития преподобного Варлаама Керетского, опубликованного и прокомментированного Л.А. Дмитриевым³, из устных рассказов о нем⁴; возможно, автор привлекал и литературный источник — «Старину о Варлааме Керетском» Б. Шергина⁵. «Образцом севернорусского жития легендарного характера»

¹ Новиков Д.Г. Вождление. М., 2005. С. 317. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с обозначением только страницы.

² Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 341–342.

³ Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского // Памятники русской литературы: X–XVII вв. / Ин-т рус. лит.-ры. М.; Л., 1970. С. 191–196. (Тр. отд. древнерус. лит. Т. 25).

⁴ Там же. С. 178–196.

⁵ Шергин Б. Поморская баллада. Старина о Варлааме Керетском // Шергин Б. Гандвик — студеное море. Архангельск, 1977. С. 95–98.

называл житие Варлаама Керетского Л.А. Дмитриев. Он указал на тесную связь памятника древнерусской книжности (текст жития записан, очевидно, в XVII в.) с устным народным творчеством (ученый еще в 1959 г. слышал устные рассказы о Варлааме), именно этим объясняя «необычный для агиографии характер Жития», далеко отступающего от канонов житийных жанров¹. (Позднее Т.А. Бернштам писала об образе Варлаама как о «сложившемся в результате многих наслоений», «не имеющем аналогий ни в общерусской, ни в севернорусской агиографии»².) Л.А. Дмитриев называет 7 списков жития, выделяет две его редакции и на этом основании утверждает, что следует говорить о двух авторах — «авторе первоначального вида жития и авторе жития с чудесами»³.

Уже после выхода в 2005 году книги Д. Новикова «Вождление» появилась монография, принадлежащая игумenu Митрофану (Баданину) (автору статьи о преподобном Варлааме в «Православной энциклопедии»)⁴. В его работах расставлены иные акценты к некоторым поступкам Варлаама (в частности, по мнению игумена Митрофана, совершив тяжкий грех, убийство, Варлаам прежде всего должен был идти на покаяние к своему духовному отцу, а не плыть с телом мертвой жены).

Сравнительный анализ текста рассказа Новикова «Другая река» и новых материалов о Варлааме Керетском, введенных в научный оборот прежде всего иеромонахом Митрофаном, свидетельствует о том, что Д. Новиков ими не пользовался (так, даже место служения священника писатель называет в соответствии с прежними публикациями текста жития — поселение Кола, а не село Кереть, как утверждается в более поздних исследованиях). Не были известны писателю в пору работы над книгой и опубликованные игуменом Митрофаном сведения о рукописном «Сборнике канонов северным святым» соловецкого книжника Сергия (Шелонина) середины XVII века, в том числе о каноне прп. Варлааму Керетскому⁵.

Обращение современного писателя к житию не может не учитывать определенную традицию, в первую очередь XIX века, литературной интерпретации житийных образов и мотивов — например, Н.С. Лесковым, Л.Н. Толстым; можно назвать уникальную поэму А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин», представляющую собой поэтическое переложение жития известного богослова и гимнографа.

¹ Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 234.

² Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этногр. очерки. Л., 1983. С. 197.

³ Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера. С. 242.

⁴ Кочетов Д.Б., Митрофан (Баданин), иером. Варлаам Керетский, преподобный // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 623–633; Митрофан (Баданин), игумен. Преподобный Варлаам Керетский: исторические материалы к написанию жития. СПб., Мурманск, 2007 (книга завершает серию книг под общим названием «Православные подвижники Кольского Севера», посвященную трем северным святым: Митрофан (Баданин), иером. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Мурманск, 2002; Он же. Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие: житие, предания, исторические документы: Опыт критического переосмысления. Мурманск, 2004).

⁵ См. об этом: Митрофан (Баданин), игумен. Преподобный Варлаам Керетский. С. 8, 226–227.

Д. Новиков использует «житийные» материалы как художник, имеющий право на вымысел. Обратим внимание, что писатель называет житийного героя только по имени — Варлаам, употребляя полное имя «Варлаам Керетский» только один раз в связи со строящейся часовней памяти преподобного.

В житийном дискурсе житие Варлаама Керетского, действительно, занимает особое место. Оно, как писал Л.А. Дмитриев, примечательно уже тем, что «герою его становится не подвижник во славу веры, церкви, но человек, совершивший тяжкое преступление»¹. Подвиг его — не отшельничество, не деяния, укрепляющие могущество церкви, а тяжкий повседневный труд в море, и прощение, дарованное Варлааму, также тесно связано с заботами мореходов.

Варлаам Керетский был официально канонизирован в 2003 году, но в Северном Поморье этот святой пользовался популярностью не одно столетие. Многие обетные кресты на берегах Белого моря были сооружены в память о чудесной помощи, оказанной попавшим в беду поморам преподобным Варлаамом, «великим заступником на море»².

Создавая двуфабульное произведение, писатель отступает от принципов изображения «классического» жития и выбирает форму повествования от «я», которую, как в «Житии протопопа Аввакума», отличает исповедальная открытость. Исповедь каждого героя состоит из отдельных фрагментов-эпизодов: повествование ведется то от имени кольского священника, то от имени молодого современного героя. Но в этом двуфабульном перекрестном повествовании все-таки на первом плане — исповедь северного подвижника: «Был я, братие, Варлаам, Кольский священник» (с. 5). Исповедь молодого героя, нашего современника, «идет» как бы вослед слову Варлаама. Их судьбы при всей несхожести — священник убил жену за ее неверность, молодой человек мучается чувством отмщения и желанием «рвать зубами, когтями драть, мстить» (с. 17) — близки в главном. Органично взаимосвязанные по принципу перекрестной композиционной структуры фрагменты текста не только усиливают острофабульный характер повествования, но и позволяют выявить важнейшую для писателя тему веры и самое главное — путь ее обретения. Дмитрий Новиков выстраивает модель пути формирования гармонического человека, его скрытую тоску по совершенству и «отчаянную надежду на счастье», возможность победы в человеческой душе истинных нравственных принципов в такое время, когда «не порядочность, а сила в сознании многих стала главной» (с. 8).

Горизонтальный срез каждой исповеди имеет четкие топографические обозначения, определяющие топос «Поморье», где Белое море и впадающая в него Кереть-река являются центральными. Характеристика Поморья в рассказе «Другая река» вписывается и в историко-этнографические исследования, о чем свидетельствуют пространственно-временные координаты в рассказе (Кола-река, Белое море, река Кереть, деревня Чупа, Крестовые озера, село Кереть)³.

Топос «Поморье» определяет и две человеческие судьбы, разделенные веками, что дает возможность писателю провести такие соположения, которые свидетельствуют не только о связи времен. Глубинное знание о прошлом ста-

¹ Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера. С. 249.

² Там же. С. 245.

³ Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 9.

новится в рассказе нравственным ориентиром, источником прозрения и предупреждением человеку XXI столетия.

Основные доминанты новиковского соположения текстов таковы: топография пути, связанного с жизнью героев; отношение к природе и ее красоте; отношение к женщине; мотив греха (случившееся убийство и убийство, которое могло случиться); мотив искупления греха и приближение к искуплению греха; мотив жизни-смерти.

Главная тема рассказа заявлена с первых строк устами Варлаама, выстрадавшего свое убеждение: человек, «только пройдя испытания многие, понимать начинает, что верой спасаться должен, а остальное отринуть, ибо слишком жесток мир, слишком мало в нем любви, и справедлив Бог в человецех — смири гордыню свою» (с. 5).

Второй сюжетный план, как мы уже отметили, — исповедь о поступках и душевных переживаниях современного молодого человека. Обратим внимание, что в рассказе этот герой не имеет даже имени, в отличие от его друга Юры, прозванного им любовно «Юра из Кереть-тур» (по названию основанной им фирмы) за его превосходное знание Русского Севера, прежде всего сказочного Поморья, и стремление подарить его красоту другим людям. Отсутствие имени не случайно — писатель, на наш взгляд, стремится воплотить в его духовном облике черты поколения, прежде всего молодых людей, чье взросление, становление совпали с переломными 1990-ми годами, временем «нестроения» в России. Перед нами — герой с «нестроением души», не имеющий твердой нравственной опоры, отсюда — метания и сомнения молодого человека, душа которого кровоточит еще и любовной изменой.

Повествование от первого лица, где «я» — и участник событий, и рассказчик, способствует психологической глубине текста и помогает выявить авторскую позицию. По сути, перед нами диалог, который автор ведет с самим собой и читателем, чтобы ответить на главный и трудный вопрос бытия: что же необходимо современному человеку?

Писатель максимально сближает две человеческие исповеди, в том числе и структурно: события, произошедшие с героями, — уже в прошлом, то, о чем они поведали, — это извлечение из памяти. Этот жизненный опыт имеет особое значение, ибо он прошел проверку временем. Вместе с тем благодаря авторской пластичности образов, лексической точности (в стилистике рассказа органично слиты диалектное слово и церковнославянизмы, авторские «неологизмы» и «чужое слово») исповеди героев, повествующие о прошлом, воспринимаются читателем как достоверные и происходящие в настоящем.

Герои и случившиеся с ними события разделены временем, но их судьбы в тексте постоянно перекликаются. Отвечая на вопрос друга о новом срубе, который поднимается над Чупской губой, Юра замечает: «А, часовню строят новую. Варлааму Керетскому. Не слышал? Святой здесь был веке в семнадцатом. История-то жуть» (с. 9–10).

Упоминание о срубе будущей часовни (в восприятии героя он такой «ладный весь и свежий, словно хлеб утренний» — с. 9) тоже не случайно. С одной стороны, эта деталь — свидетельство «благодатных» примет времени перемен в России рубежа XX–XXI веков¹. Но ясно и другое: эта деталь выполняет

¹ Сказание о преподобном Варлааме Керетском. Кемь, 2002. С. 21–23.

нравственно-психологическую роль — ведь об этом святом до приезда в Поморье молодой человек никогда не слышал, как и вообще мало задумывался о главных вопросах бытия.

Разделенные временем герои объединены, как мы подчеркнули, странством. Тонкость индивидуального стиля Д. Новикова заключается в особой деликатности работы с житейным материалом. Так, в слове Варлаама обозначены устойчивые географические названия: и Кола, и Кереть-река, и Белое море, но остается безымянным поселок, в который его жена Варвара ушла за солью и где случилась ужасная трагедия (с. 10). Место его служения — Кола — в рассказе слово кольского священника перерастает в поэтическую картину, где есть Кола-река, которая «сильно кружит, колесом юлит» (с. 6), и Белое море, куда он после убийства жены «стал к северу лодью править» (с. 14), и потом донесло его до горла Белого моря (с. 14). Только после многолетних испытаний он оказался в устье реки Кереть¹.

Писатель не идеализирует своих героев — путь, ими пройденный, действительно крестовый; через образы «взыскующих истину» Дмитрий Новиков выразил свое художественное видение мира.

В житии говорится, что Варлаам совершил тяжкое преступление — убил жену. Автор повторяет житейную ситуацию: грех совершил человек глубоко верующий — и таким образом подчеркивает, как непросто в миру путь человека, даже облеченного саном.

Кольский священник — человек целомудренный, в его сознании любовь и верность в браке — естественное состояние людей, давших обет верности в супружестве. В самом начале его пасторской деятельности каждый день его наполнен жизнью и радостью. На наш взгляд, в слове-признании священника Варлаама своеобразно растворено важнейшее триединство русского православия: вера, надежда, любовь. Благодарен он Господу: «Все Бог мне дал — веру дал, надеждой не обделил, крепостью тела своего вдохновлен я был. А душе всего благодарил Отца нашего за свою Варвару». В его сознании она — «чудо»: «...не только красотой телесной блажила меня, но всей душою своей, казалось, ко мне стремилась» (с. 5–6).

Современный автор уже в экспозиции усиливает психологическую канву повествования, трагическая нота звучит в словах героя: «Ох, и смешно мне, братия, теперь, и прошло времени совсем мало. Смеюсь я слезами, и ветер острый срывает их у меня со щек и бросает в море...» (с. 5). Найденная Новиковым словесная формула — «смеюсь слезами» — конечно, не гоголевский смех сквозь слезы; это тот смех, амбивалентный характер которого имеет «разрушительное начало и созидательное одновременно»². Это смех над соблазном гордыни, обернувшейся трагедией: грехом убийства человека. Удвоение этой словесной формулы в тексте усиливает страшное признание Варлаама: «Ох,

¹ Кереть в 1959 году, как свидетельствуют Л.А. Дмитриев и А.И. Копанев, — большой поселок, примерно в 70 дворов; см.: *Дмитриев Л.А., Копанев А.И.* Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. С. 532. В настоящее время Кереть — нежилое село. От церкви, сгоревшей в очередной раз в конце 1940-х годов, остался лишь фундамент. На месте храма усилиями протоиерея Владимира Алешина, бывшего настоятеля Кемского прихода, в 1990-х годах поставлен крест (см.: Сказание о преподобном Варлааме Керетском. С. 22).

² *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 3.

и смешно же мне, братие, было. Смеялся я слезами, и ветер острый срывал их у меня со щек и бросал в море...» (с. 13).

Только после искупления, когда «унес ветер прах истлевший и любовь мою с ним», Варлаам понял, что Господь простил его грех, что «не в смерти, а в жизни спасение искать, и трудиться вечно, неустанно, помня все, других устерегая. И воздал в слезах славу Господню» (с. 15).

В рассказе Дмитрия Новикова резкий контраст двух жизненных ситуаций (радостное семейное бытие и неожиданная перемена в поведении жены) усилен мотивом искушения женщины бесом, характерным не только для жития и «Старины о Варлаамии Керетском» Бориса Шергина. Дмитрий Новиков выстраивает эпизод убийства неверной жены на основе повторяющегося мотива: «Видев убо его диавол всячески добродетelmi украшена <...> простре сеть во уловление праведнаго <...> вложив бо его во убийство супружницы его»¹. В устных преданиях тяжкий грех Варлаама находит жизненно убедительное объяснение: Варлаам убил жену из-за ревности. Доминирует этот мотив и в «Старине» Б. Шергина, который удостоверяет, что устные предания и балладу он слышал «в дни юности от своих семейных в г. Архангельске»².

И в житии, и в рассказе Новикова не обозначена причина резкой перемены в отношении Варвары к мужу, писатель также избегает соблазна и не опускается до пошлой житейской истории о старом ревнивом муже и беспутной молодой жене, на которой строится «Старина...» Бориса Шергина. В традиционном христианском понимании блуд — это тяжелый грех. При всей реалистичности картины прелюбодеяния жены в рассказе «Другая река» ее неверность и ее облик обретают демонические черты. В этом эпизоде реализуется древний мотив любовного сожительства женщины и беса³. «Ведьмой» видит ее Варлаам на «корабле норвегов»: «Волосы распущены, глаза бесовским огнем горят, щеки румяные, да не от стыда, а от веселья низкого. И хватают ее пришлые люди, и таскают, а ей все в радость, то с одним кружит, то к другому прильнет, как к другу любовному <...> хохочет, как ведьма, в руки не дается, волчком кружится» (с. 10).

Герой житийной литературы отличается кротостью, однако принципиальная разница указанного мотива в северном житии и в рассказе заключается в том, что вместо исцеления женщины святостью священник Варлаам совершает убийство. Устойчивый мотив жития, устных рассказов и «Старины» Б. Шергина о дьявольском искушении реализован писателем в жуткой картине убийства. Выразительно выписан Новиковым герой, схвативший «анкерок малый двухпудовый», потом «якорек небольшой» и — «пошел крушить, жену первую убил» (с. 11). Потрясенный Варлаам действует так, потому что «забыл Бога в этот миг» (с. 11). С точки зрения реалистического повествования художник воспроизводит психологическое состояние человека, которое Лев Толстой назвал «временным отсутствием мысли», то есть такой момент, когда человек не властен в своих поступках. (Достаточно вспомнить известную главу «Затме-

¹ Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского. С. 192.

² Шергин Б. Поморская баллада. Старина о Валамии Керетском. С. 96.

³ Пигин А.В. Из истории демонологии XVII века: Повесть о бесноватой жене Соломона: Исследование и тексты. СПб., 1998.

ние» в толстовском «Отрочестве»¹, романы Достоевского с их глубинным проникновением в подсознание героя.)

Если Варлаам совершил преступление, то молодой герой готов и одновременно боится его совершить. Композиционный принцип параллелизма позволяет писателю не только сопоставить мотив греха — злора и ревность, которые поднимаются с глубины человеческой души, но и усилить мотив предзнаменования: он выполняет функцию своеобразного предупреждения герою-современнику, который приблизился к опасной черте. Его чувство сродни пережитому священником Колы Варлаамом, убедившимся в неверности горячо любимой жены: «...мозг тут же рисовал кровавые картинки, и, отшмыгивая, я ликовал, пока не вспоминалось, что все еще впереди» (с. 17). Вот почему герой новиковского рассказа стремится уйти в глухие места, движет им первоначально только чувство боли и злобы: «Мне нужно было каждый день изнурять себя до смерти, чтобы можно было ночью заснуть, чтобы хоть на время улеглась в душе обида, чтобы перестало дрожать нутро от животного желания рвать зубами, когтями драть, мстить» (с. 17).

Крестный, искупительный путь житийного героя зеркально отражается в судьбе нашего современника; и не случайно обозначение места, куда он устремляется, — «Крестовые озера», помеченные на карте тремя крестиками. Здесь все значимо: и название озера, и цифра три, и крестики, в какой-то степени имеющие ассоциативный характер с искупительным подвигом Иисуса Христа.

В прозе Д. Новикова обыденность трансформируется в мощный поток бытия благодаря пересозданию жития Варлаама Керетского, актуализации мотива спасения как итогового развития идей, обобщенных в лейтмотивах: грех (вина) — раскаяние (покаяние) — искупление (воскресение) — преображение. В житии Варлаам «по сотворении греха <...> недостойна себе судив еже священная действовати, но паче изволил страдати за грех, — еже с мертвым телом по морской пучине с места на место плавати, дондеже оно мертвое тело тлению предастся»; «И во дни убо труждаяся по морю, в ноши же без сна пребываше, моля Бога со слезами о отпущении греха»². В рассказе Варлаам также плывет с телом жены «от Колы до Святого Носа даже до Керети». Он познал и невыносимую физическую и нравственную муку раздвоения: не только совершил тяжкий грех, но и во время своего крестного пути, «ничтожный», не просто просил смерти у Бога, но даже «богохульствовал, кляня жестокого» (с. 14). Испытания героя становятся подвижничеством на пути искупления греха и обретения истинного Бога в душе.

Житийный герой Дмитрия Новикова переживает прозрение, когда после долгого плавания он не увидел на носу лодьи «укрутка страшного»; унес ветер прах истлевший, и понял Варлаам, что «Господь не хотел быстрой смерти моей», «другой мой путь, — не в смерти, а в жизни спасение искать, и трудиться вечно, неустанно, помня все, здравствуя, других устерегая» (с. 14, 15). Исповедь Варлаама писатель связывает с сакральным, церковно-религиозным дискурсом: после пережитого, живя с памятью о страшном, с болью в душе и с надеждой ласковой» (с. 16), молится ежечасно Варлаам: «Господи, прими слово мое за детей и животных!» (с. 17).

¹ Толстой Л.Н. Отрочество // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1978. Т. 1. С. 150.

² Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского. С. 192.

Путь современного героя в рассказе «Другая река» вписывается в те устойчивые понятия русской культуры — «дорога» и «дом», об идейно-композиционных функциях которых в создании типа героя-странника (он «бежит от социума», одинок в «дороге» и приходит к воссозданию «дома» в собственной душе) писала Т.Б. Щепанская¹.

Д. Новикова отличает глубокий подход к житийному тексту и тонкая его интерпретации, поэтому мотив жития — явление святого Варлаама и помощь мореходам — трансформируется на первый взгляд во вполне реалистичную картину. Когда в финале молодой герой оказывается фактически на краю гибели (распластанный он лежит на льду озера, опустив в ледяную лунку руку с вонзившимся в нее крючком вместе с гигантской рыбой, голова которой не пролезает в ледяное отверстие), он не только сам хочет выжить, но и страстно желает, чтобы жили и все другие: «Я больше не хотел убивать. < ... > Вот тогда — губы скорезило в нелепую усмешку. Я с трудом разжал их и просипел: “Помоги!” Потом закрыл глаза и отчаялся» (с. 19).

Путь преподобного в тексте жития и рассказе связан со стихией воды, моря, образ которого имеет под пером Новикова не только выразительное реальное наполнение: «Шорма страшные видел я, братие, где trebuха воды взрывалась, вздымаясь бешено и небесами грозя» (с. 14), но и символическое звучание, связанное с «морем житейским», в котором человеком овладевает гордыня, смирение: «...занесет тебя в лихие места, и смутит нечистой душу. И усомнишься». В рассказе Новикова комплекс мотивов преступления священника — это не только обида на жену и чувство ревности, заглушившие рассудок, но и житийный мотив торжества дьявола над человеческим сердцем и разумом. Варлаам впоследствии осознает, что при виде беснующейся жены «забыл я Бога в тот миг, забыл веру свою и упование», «только гнев черный внутри остался и поднялся наливной волной» (с. 11).

Путь нашего современника, мотив покаяния тоже связан со стихией воды, которая в начале его пути на Крестовые озера под колесами снегохода «на десятый километров по морю или по снежным волнам» (с. 8) и в финале рассказа темнотой таинственной покойся под толщей озерного льда, когда герой, распластанный, замерзает на нем.

Образ «моря житейского» усилен мотивом ухода в своеобразную «пустыню» («сле выживешь первый день на Севере») обыкновенного человека, грех которого проявляется в сфере отношений мужчины и женщины. Амбивалентный характер имеют мифологемы воды, ветра, дерева, тумана; обозначенные ракурсы создают проекцию частного, бытового на вселенский космический порядок. Это позволяет современному исследователю характеризовать метод Д. Новикова как «символический реализм» (определение А. Житинского), где человек родствен всем жившим и живущим.

Покаяние молодого героя начинается не с церковного таинства, ибо современный герой Новикова с церковью никак не связан. Начало его душевного строения — обращение к святому заступнику, хотя он и не называет его имени. Но читатель помнит наказ Юры: «Если что, Варлаама проси...» (с. 18).

¹ Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север: Археология и культурные традиции. СПб., 1992. Вып. 4. С. 102–127.

Отметим, что Дмитрий Новиков из четырех чудес жития выбирает только одно — многолетнее плавание Варлаама с телом жены на носу лоды и избавление Белого моря от морских червей-древоточцев. Писатель исключает несколько чудес, описанных «автором жития с чудесами», но сохраняет знаменитое чудо — так, в рассказе «Другая река» в знак прощения грешника и по его молитве Бог избавляет берега вокруг Святого носа от множества червей морских, «иже творяху многи пакости над лодьями мореходцем»¹. Именно этот устойчивый мотив воссоздает писатель в финале Варлаамовой исповеди.

Как и в житии, в рассказе лодью Варлаама после многолетних скитаний доносит до «горла Белого моря», он тоже знает по рассказам о червях морских. Но когда герой «в гордыне своей ослеплен был» и стал радоваться: «...вот куда ты привел меня Господи, вот какой смерти уготовил» (с. 14), тут-то и случается чудо, он видит, что лодка целехонька. Вслед за этим происходит и другое чудо: ветер срывает холст с «укрутка страшного», с которым Варлаам плавал не один год (после убийства жены он завернул ее тело в парус и отнес на нос лоды), и «унес ветер прах истлевший» (с. 15). М.И. Белов, рассматривая севернорусские жития святых как источник по истории поморского мореплавания, объясняет несколько неожиданное сообщение Варлаама о множестве древоточцев именно у Святого Носа: вероятно, «благоприятные условия для их существования создавало теплое течение Гольфстрим»².

Проблема взаимоотношений человека и природы, объединяющая две фабулы, в рассказе выявляется как проблема взаимоотношения двух миров — небесного и земного как творения Божьего. Одним из основных способов общения становится созерцание, поэтому особое место в произведении принадлежит пейзажу, выразительные зарисовки которого свидетельствуют и об открытости авторского сознания природному миру.

Обратим внимание, что священник Варлаам в начале своего жизненного пути видит в природном мире прежде всего земные реалии: здесь и Кола-река, которая «пищу давала», «сёмужкой баловала», и «мелколес кругом», «мхи», «чапыжник», «гноус», «лихие места» (с. 6–7). Совсем иная картина природы возникает, когда после трехлетнего плавания с телом убитой жены он понял, что «унес ветер прах истлевший, и любовь мою с ним», что другой у него путь — «не в смерти, а в жизни спасение» (с. 15). Именно тогда открылась «посреди скал и лесов благодатных живая светлая река, в море падающая» (с. 15). Мотив света возникает здесь не случайно: свет в христианском понимании есть абсолютная метафора Бога — Бог есть свет (1 Ин. 1: 5).

Современному герою важны лишь внешние, эстетические красоты природного мира: он дает зарок долго не ездить на Север, так как «на пути этом подстерегают реки» — «первой прожурчит по камням Елгамка», «спокойно пронесет спокойные воды Идель», «мрачной красотой глянет сквозь ели широкая Тунгуда» (с. 7). По дороге на Север, забираясь в глушь, куда он едет «лечить» душу от обиды, злобы и беды, герой видит картины, проникнутые трогательным лиризмом: «солнцем облитых птах» — красивых, доверчивых, невинных косачей; Кереть мнится ему не спящей красавицей, а «проказливой

¹ Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского. С. 192.

² Белов М.И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 239.

девчонкой»; лед в устье Керети, «бел», «сверкающе яркое», но синее темно и опасно; тишину нарушает «шерстяное шептание ветра» (с. 7, 13, 16). Красоту мира как творения Божия ему еще предстоит открыть, как и познать чувство красоты Божьего мира, но на этом пути его ждут тяжкие испытания. Только ощутив грань, разделяющую жизнь и смерть, молодой человек осознает иную меру ценностей в жизни и понимает, что напрасно искал он красоту в чужих краях, она оказалась совсем рядом: «Подъедешь на машине прямо к берегу морскому, остановишься, и в глаза сразу дорожка солнечная, ночная по ласковой глади воды, в ноздри — воздух свежий, пряный и густой, в душу восторг тихий, незапятнанный. Называется все это Белым морем и грош бездушному цену» (с. 7). Финал двуфабульного рассказа «Другая река» открытый: «Очнулся я от сильного удара — рядом с моей головой глубоко в лед вонзился багор» (с. 19) — его можно трактовать как выражение авторской позиции писателя, герой которого от движения вообще может найти путь к Богу.

В финале рассказа писатель оставляет надежду, что трагическая ситуация, в которой оказался молодой герой, завершится победой жизни, что полученный героем «урок» поможет ему сделать верный выбор, обрести силу веры. Дмитрий Новиков возвращает человека наших дней к понимаемым простым, но вечным истинам, которые в свете современной жизни человек перестает замечать и осознавать. По сути, речь идет об обретении души, способности радоваться красоте мира Божьего. Вот почему в земном жизненном пути Дмитрию Новикову дороги люди, внешне малозначительные, но способные при всей своей слабости оказывать спасительную помощь и, по словам Н.С. Лескова, «увеличивать сумму добра в общем обороте человеческих отношений»¹ — таким в рассказе является Юра Кереть-тур.

Исследование духовного мира героев рассказа поможет нам не только проникнуть в глубину постигаемых ими проблем религиозно-философского и нравственно-этического характера, но и обнаружить связь XVII и XXI столетий. В чем феномен народного почитания Варлаама Керетского? В убеждении, что всякий человек не без греха? В отношении народа к преступнику как человеку «несчастному»? В вере в Варлаамово заступничество? Сила повествования Новикова — в умении взволновать читателя, исподволь включить в поиск ответов и на житейские вопросы, и на главные вопросы бытия.

Комментирующий и символический характер заглавия рассказа «Другая река» заключается в том, что это действительно «другая» (как говорят на Севере, с ударением на первом слоге), то есть иная река, над водами которой пролетели столетия. Временные координаты одной и той же реки не только разъединяют героев, но и соединяют их в поисках внутренней гармонии во внешнем хаосе, на пути обретения истины.

Отношение к агиографическому источнику и характер работы над ним убеждают, что писатель передал в рассказе народные представления о православии. Эти представления лишены догматической точности, однако они зачастую глубоко отражают сущность православных воззрений на человеческую жизнь.

¹ Лесков Н.С. Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ереснархи (Религия страха и религия любви) // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984. С. 116.